

ЗАМІТКИ

Василий-Сильвестр (о личности автора *Повести временных лет*)

Так называемая «Повесть об ослеплении Василька Тербовльского», а точнее — статья 1097 г. *Повести временных лет (ПВЛ)*, — это одно из самых ярких, важных и загадочных мест *Начальной летописи*. В этом уникальном фрагменте летописец называет свое имя. Из переданного им обращения князя Давида Игоревича («се Василю шлю тл . иди к Василкови тезу своему»¹) выясняется, что автор — тезка князя Василька, а значит — Василий.

Кто такой этот Василий и каков объем, принадлежащего ему текста — эти вопросы беспокоили ученых еще в начале XIX в. В.О. Перевощиков считал Василия первым продолжателем Нестора и приписывал ему текст за 1075–1113 гг.² Позднее Б.А. Рыбаков и М.Х. Алешковский считали Василия последним редактором *ПВЛ* 1118/1119 гг.³ Однако до последнего времени более популярным оставалось мнение о небольшом специальном сочинении («повести») Василия, которое вставил в *ПВЛ* Нестор, Сильвестр или другой редактор.

Существование «Повести» (или какая-либо литературная деятельность Василия) для многих исследователей казалось очевидным: если имеется отдельный автор, значит, было и особое сочинение. Впрочем, когда речь заходила о строгом вычленении в *ПВЛ* «текста Василия», возникали немалые трудности. Никаких очевидных границ «Повести» не заметно. Более того, она довольно органично вплетена в окружающий ее текст летописи. Приходилось довольствоваться предположением, что составитель *ПВЛ* «впаял» «*Повесть*» в летопись таким образом, что деформировал ее первоначальную форму.

Тем не менее, попытку непротиворечиво «стратифицировать» «*Повесть*» и выделить оригинальный «текст Василия» предпринял А.А. Гиппиус⁴. Исследователь в своей работе опирается на синтаксические сбои, кажущиеся изменения тональности и идеологической окраски. Выступая против идеи об отдельной «Повести», А.А. Гиппиус связывает с Василием один из гипотетических текстуальных пластов *Начальной летописи*, предшествующий *ПВЛ*, т. е. все равно развивает идею о Василии как особом летописце. Между тем, «швы» и видимая неоднородность текста могут объясняться и более экономно, не прибегая к гипотезам о чередующихся летописей, сводов и «сказаний»⁵.

В написанной более десяти лет назад работе⁶ В.Н. Русинов представил наблюдения, доказывающие широкий летописный контекст «Повести»⁷, единство стилистических приемов в летописи за 1051–1117 гг. и ведущие к мысли о появлении «текста Василия» вместе со всем остальным нарративом

ПВЛ. Одновременно ученый отстаивал мнение о том, что Василий и есть автор *ПВЛ*. Вполне поддерживая вывод В.Н. Русинова о едином авторстве *ПВЛ*, самым уязвимым звеном его построения считаем именно Василия. Если бы не он, не осталось бы существенных препон на пути признания авторства Сильвестра. В правдивости приписки последнего нет оснований сомневаться. И к тому же, есть серьезные основания считать именно выдубицкого игумена тем автором, чьи единые стилистические приемы видны на протяжении всей *ПВЛ*⁸.

Откровенно говоря, Василий всегда был неудобной фигурой для исследователей летописи. Он явно «мешал» Нестору или Сильвестру, или некоему анонимному автору. Из ситуации пытались выйти по-разному. Пока самым распространенным выходом остается признание рассказа об ослеплении Василька Теробовльского вставкой, отдельным сочинением либо частью отдельного текстуального пласта *ПВЛ*.

А был ли автор? Все, кто пытался реконструировать объем работы Василия, разделяли (вполне понятное) убеждение, что под двумя разными именами должны выступать два разных человека. Однако что делать, если летописное повествование, по крайней мере, за вторую половину XI — начало XII вв., принадлежит Сильвестру, но автор называет себя Василием? Логика дает один ответ: Василий = Сильвестр. Так ли уж это невероятно?

М. Бюдингер в 1860 г. высказал предположение, что крестильное имя Нестора, более известного именно под своим (монашеским) именем, было *Василий*⁹. Это мнение несколько позже комментировал С. Сркуль, отмечая, что в таком случае исчезает проблема соотношения «Повести об ослеплении Василька» и остального летописного текста. Т.е. никакой особой «повести» никогда не было, весь текст писан одним автором, упомянувшим в рассказе свое крестильное имя¹⁰. Мы же предполагаем, что *Василий* могло быть первым христианским (крестильным) именем Сильвестра, принявшего последнее имя при пострижении.

«Что в имени твоём»? Коль скоро речь идет о возможном тождестве Василия и Сильвестра, посмотрим, не могут ли сами имена подсказать нам решение. *Сильвестр* — довольно редкое имя для Древней Руси, и собственно для монашеской среды, тогда как известны несколько Несторов. Тем более, распространенным было имя *Василий*. И если Василий стал Сильвестром, что могло повлиять на его выбор этого имени?

Кажется, никто из исследователей не обращал внимания на тот факт, что св. Сильвестр поминается рядом с св. Василием. В месяцесловах XI — начала XII вв. — а это временные рамки создания *ПВЛ* — ситуация следующая. Св. Василий имеет стабильный день поминания — 1 января. Св. Сильвестр мог поминаться и 31 декабря, и 2 января. Разной был связан с тем, что папа Сильвестр скончался 31 декабря, а 2 января, по-видимому, был похоронен¹¹. Первый вариант, отвечающий римской традиции, зафиксирован в

Остромировом Евангелии (также в одном евангелии XIII в., что относительно близко к рассматриваемому времени)¹². Второй вариант — по традиции восточнохристианской — более распространен: он отмечен в *Архангельском* (1092 г.), *Мстиславовом* (1117 г.) и *Юрьевом Евангелии* (первая треть XII в.)¹³. Итак, на Руси, в частности в Киеве, в конце XI — начале XII вв. были известны оба сильвестровых дня, которые буквально окружали Васильев день.

Издавна существовало несколько критериев подбора монашеского имени¹⁴. Например, новое имя могло начинаться на ту же букву, что и прежнее; могло приниматься имя святого, поминаемого в день пострига; бывало даже, что имя не менялось, но теперь покровителем человека объявлялся другой святой с тем же именем. Заметно, что во всех случаях речь шла о том, чтобы свести изменения к минимуму, создать некую преемственность между именами¹⁵. Принятие нового, монашеского, имени в честь святого, поминаемого в тот же, предыдущий или следующий день после старых именин, укладывается в рамки той же стратегии обеспечения преемственности имен. Таким образом, наш герой, будущий автор *ПВЛ*, вероятнее всего мог взять имя Сильвестра — ближайшего святого.

Идентификация Василия с Сильвестром, автором *ПВЛ*, влечет за собой ряд дальнейших соображений. Если буквально верить летописному тексту, надо признать, что этот человек был еще известен под своим крестильным именем, уже будучи монахом¹⁶, что в принципе вероятно¹⁷. Впрочем, нельзя дать гарантию, что князь Давид обращался к автору *ПВЛ* по имени *Василий*. Летописец мог специально ввести в прямую речь князя свое первое имя. В этом случае следовало бы говорить о каком-то литературном приеме. Даже если Давид действительно употреблял крестильное имя летописца, нельзя не заметить стремления последнего специально подчеркнуть свое первое имя. Быть может, дело в том, что автор, таким образом, оказывался тезкой не только Василька Тереховского, но и Владимира Мономаха (в крещении — Василия), к которому прямо и косвенно выражал особую приязнь в своей летописи.

Если принять тождество Василия и Сильвестра, то придется окончательно отказаться как от идеи отдельной «повести» о Васильке Тереховском¹⁸, так и от мысли об особой галицкой/волынской летописной традиции конца XI — начала XII в. Наконец, исчезнет загадочный летописец Василий, зато откроется новая грань в образе летописца Сильвестра.

1 «Тезу своему» — вероятное уточнение протографа *Лаврентьевского списка* (в *Ипатьевском* этого нет).

2 Перевощиков В.О. *О русских летописях и летописателях по 1240 г.* СПб, 1836, 28–33.

3 Рыбаков Б.А. *Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи.* М., 1963, 275–279; Алешковский М.Х. *Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси.* М., 1971, 34–49.

4 Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет II. *Славяноведение* № 2. М., 2008, 6–12.

5 Аристов В.Ю. Свод, сборник или хроника? (о характере древнерусских летописных памятников XI—XIII вв.). *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana.* №1. Январь-Июнь. СПб, 2013, 114–117.

6 Русинов В.Н. Летописные статьи 1051—1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций

- «Повести временных лет». *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия История. 2003. Вып. 1(2). Нижний Новгород, 2003, 111—147.
- 7 Эти наблюдения дополняют разыскания самого А.А. Гиппиуса, полемизирующего с В.Н. Русиновым. См.: Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет II, 8–9.
 - 8 Толочко А.П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. *Ruthenica*. Т. VII (2008), 154–165. См. также: Кузьмин А.Г. Индикты начальной летописи. *Славяне и Русь*. М., 1968, 305–313.
 - 9 Büdinger M. Nachrichten zur österreichischen Geschichte in altrussischen Jahrbüchern, übersetzt und erklärt, *Jahrbuch für vaterländische Geschichte*. I. (Wien, 1861), 28.
 - 10 Srkulj S. *Die Entstehung der ältesten Russischen sogenannten Nestorchronik mit besonderer Rücksicht auf Svjatoslavs Zug nach der Balkanhalbinsel. Literar-historische Studie*. (Požega, 1896), 33.
 - 11 Сергей арх. *Полный месяцеслов Востока*. Т. 2. Часть 2. М., 1876, 2.
 - 12 *Остромирово Евангелие 1056–1057 года. По изданию А.Х. Востокова*. М., 2007, 256; Сергей арх. *Полный месяцеслов Востока*. Т. 2. Часть 1. М., 1876, 341; Лосева О.В. *Русские месяцесловы XI–XIV веков*. М., 2001, 236.
 - 13 Сергей арх. *Полный месяцеслов Востока*. Т. 2. Часть 1, 2; Лосева О.В. *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, 23.
 - 14 Выражаю благодарность Ф.Б. Успенскому за консультацию по данному вопросу.
 - 15 Конечно, часто указанным критериям не следовали. Далеко не всегда в выборе монашеского имени наблюдалась системность.
 - 16 Можно было бы предполагать, что будущий Сильвестр в 1097 г. еще не был монахом. Однако этому прямо противоречат слова под 1096 г. («намъ же по кельямъ сущимъ»), а также указание автора на то, что он пришел в Печерский монастырь еще при Феодосии.
 - 17 О функционировании христианской многоименности в княжеской среде см.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Сколько христианских имен могло быть у князя Рюриковича? *Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре*. М., 2004, 180–213.
 - 18 Эта идея — реликт старого, возникшего в середине XIX в., взгляда на древнерусские летописи как собрания изначально самостоятельных сочинений («записок», сказаний, повестей).

Вадим Аристов

Песни половецкие

В самом начале *Галицко-Волынской летописи (ГВл)* помещен отрывок, который исследователи обозначают как «Похвала Роману». Его темой является воспевание деятельности малозначимого галицкого князя Романа Мстиславича. В высоком поэтическом стиле его жизнь красочно и емко сопоставляется с подвигами прадеда — великого князя киевского Владимира Мономаха. Когда и кем было создано это краткое повествование и когда оно было включено в состав *ГВл* неизвестно, несмотря на то, что художественное совершенство *Похвалы* привлекало внимание многих исследователей. В результате был очерчен круг возможных источников образного ряда, представленного в ее тексте. Как отметил А.Н. Веселовский, в составе *Похвалы* сохранился «отрывок половецких песен или преданий, еще отзывающихся ароматом степи»¹. Значительно позже В.А. Пархоменко вновь заметил, что «это очень интересное место, явно половецкого происхождения»². И хотя объем «отрывка», о котором говорили ученые, составляет 2/3 объема всего текста *Похвалы*, дальше этих замечаний исследование текста не продвинулось. Между тем, есть основания полагать, что большая часть его образов действительно носит